

Чугуевский район Приморского края, верховья реки Уссури... Истоки реки — на склонах горы Снежной, к северо-востоку от самой высокой вершины Приморья — горы Облачной. Удивительно красивый район, богатый и дикий! Он манил и звал меня к себе: мари, синие от ягоды голубики, тайга с голубыми аянскими елями, дороги забытые и брошенные, а еще сами истоки Уссури с чистой, звонкой, ледяной водой — все это буквально снилось ночами.

С Витькой-Колдуном я познакомилась в 1991 году в селе Архиповка. Витька часто подрабатывал проводником у охотников, туристов и рыбаков. Невысокого роста коренастый мужичок с бородой и усами, с искрящимся со смешинкой хитрым взглядом с первого знакомства привлек мое внимание своими удивительными рассказами о себе, тайге и о людях, его окружающих.

Иногда непонятно было, то ли байки это, то ли бль, но слушать всегда было очень интересно, и часто смешно до слез. Так как я была для него благодарным слушателем, мы быстро подружились.

Село Архиповка как поселение было образовано в 1908 году. Верховья реки Уссури, богатые рыбой и зверьем, кедровым орехом, лимонником, актинидией, зарослями черемухи вдоль русла реки, огромными земляничными полянами, еще до прихода переселенцев привлекали внимание китайцев и корейцев. Здесь издавна

жили удэгейцы. Это место китайцы называли Лудье, что означало «никто не знает». Китайцы там выращивали мак и арбузы, добывали женьшень. На марях собирали ягоду: бруснику, клюкву и голубику. Для хранения делали срубы из лиственки, в которых ягоду складывали послойно с ветками. После мороза, когда ягода замерзала, ее по тропе отправляли на продажу в Китай — мороженую, не побитую в дороге...

Витька родился в селе Тополевый, что в шестидесяти километрах от Чугуевки. Китайцы называли Тополевый Ян-Муть-Хауз, то есть Долина высоких тополей... Бабушка с дедом — староверы, прибывшие с Алтая. Мама его родилась уже в Тополево, была жива на момент нашего знакомства, а отец умер лет пять назад, медведь задрал на охоте. Он и научил сына рыбачить, охотиться, корневать... Мама передала сыну знание лекарственных трав. Так и ходил маленький Витька — то с отцом на охоту и рыбалку, то с мамой по ягоду да за травами... Прозвище свое — Колдун — Витя получил за умение рыбачить. Говорили мужики в селе, что из любой лужи рыбу поймает. Да еще и отвары лекарственные мог делать, заговоры разные знал, кровь из раны шепотом останавливал...

Слабость у Витьки одна была — уж очень любил он чай цейлонский. После нашей первой встречи, уезжая домой из тайги, я сразу получила от Витьки спецзаказ: «При-

вези, Марина, мне в следующий раз чайку цейлонского, чтоб в жестяной баночке был, страсть, как я его люблю!» Пообещала...

Через две недели мы поехали на гору Снежную. Заехали в Архиповку передать Витьке посылку с чаем цейлонским в баночке, галетами, папиросной бумагой для самокруток — все, как обещала... Витька обрадовался и, ни слова не говоря жене Светке, быстро начал собирать свой рюкзак.

— Ви-и-ть, ты куда? — Света с беспокойством смотрела на мужа.

— Да, Витек, мы приехали, а ты уходишь... В тайгу, что ли? — Мы были в недоумении.

— Светка! Сала давай, табак, чай Маринкин в рюкзак положи, солонину и хлеба, ружо дай и сумку с мастырками (это у него так удочки назывались)...

— Ви-и-ть, да что такое, ты ж гостей обижаешь! Мы что, даже не пожимим? Куда тебя несет? Не пуцу, сам знаешь! — Света растерянно смотрела на нас, а мы с

любопытством на Витьку. Витька же, затаив вещмешок, встал с нами в шеренгу и торжественно произнес:

— Света! Я еду в тайгу с Маринкой! У них же ни ружа, ни мастырок... Чего в тайге жрать будут? Помрут ведь там... Без меня.

— Вить, — говорю, — у нас тушняк полно, еда есть, не беспокойся.

— Я с вами, и все! Светка, теперь-то не удержишь ты меня!

— Ну, поехали тогда. Свет, ты как на это смотришь?

— С вами, Марина, отпущу, а одного — ни за что!

Отъехали от Архиповки. Витька молчал всю дорогу. У подъезда к Ясному его прорвало:

— Ой, ребята, спасибо! Я хоть с вами в тайгу смоюсь, заскучал совсем, а то ж не выпускает, как волчица! А все после игривой тигры, — Витька вдруг смущенно замолчал.

— Ну, колись, Витек, чего там за тигра игривая? Рассказывай!

«ИГРИВАЯ ТИГРА»

— Тут, девчонки, по этой зиме история со мной приключилась... Собрался я на охоту, оделся, харчи взял, ружо и думаю: «К Любане, соседке через стенку, забегу, самогоночки прихвачу», — сами понимаете, ноги в тайге растереть, горло прополоскать, ну если ангина прихватит... Дворами пошел, чтоб Светку не злить, а Любка одна сидит, без мужика, значит, скучает. Так жаль бабу одинокою стало, аж на сердце защемило! Присел я с нею поговорить, да залежался до того, что проснулся я в ее постели, сам не знаю как! Грех ведь! От угрызений совести в туалет пошел. А туалет у нас во дворе, общий, леспромхоз еще строил, посидел я там, задумался... — Витька закурил и замолчал...

— Вить, ну не томи, расскажи, что дальше было. — Развязка обещала быть интересной!

— Так вот, по задумчивости своей возвращаюсь я не к Любке, а домой, к Светке! Время зимнее, а я в трусах и в валенках своих! Светка руки в боки у печки стоит с топором. Ну, правильно, она одна, я в тайге, а кто-то в хату прется! С одной стороны, хорошо — дом всегда под охраной...

— А с другой, Вить? — мы уже не сдерживали смеха, но Витька, не обращая на нас никакого внимания, продолжал свой рассказ.

— Увидала она меня, да как расплачется от страха. Я ж, говорит, милый, чуть не порешила тебя! На шею мне бросилась, а топор из рук-то не выпускает. И тут, девки, страшно мне стало! Светка ж она страшнее бурого медведя порой будет, когда злая! И тут она отстраняется от моих объятий и молча на трусы мои смотрит, а топор в руках ее так и перескакивает с левой на правую, с правой на левую.

Витька закурил снова. Мы закрыли ладонями рты, чтобы смех сдерживать — рассказу не мешать... А Витек, затаившись своим самосадом, продолжал:

— «А чего ты в трусах? Ты ж на охоту в тайгу пошел?!» — и на меня так, знает, со своим топором надвигается. Ох и страшно мне стало, хоть в туалет беги опять, но она мне все пути отхода отрезала. В косяке встала, стоит и на трусы смотрит. А у меня тама аж все съежилось совсем... Я, чтобы жизнь свою сохранить, свое мужское до-

стоинство в цельности оставить, рассказал Светке историю... Про игривую тигру...

Витя смотрел куда-то вдаль, а мы тщетно старались не прерывать хохотом его рассказ.

— Был я на охоте, Света! Был, клянись! Да вот по дороге домой тигра мне попалась. Стою я, на нее смотрю, а она на меня. Я ей шапку свою кинул, она как давай с ней играть, пока в ключья ее не разодрала. А я ухожу, ухожу, все ж поближе к дому, к тебе. Потом тулуп свой ей кинул — пусть играется, думаю, зверюга! А она ж его и так подбросит, и эдак, и зубьями своими погрызет, прямо как кошка наша с мышкой... Свет, когда до портков дело дошло, я запаниковал, валенки свои еле забрал. Думаю, не буду больше раздеваться, замерзну, а она наступает так на меня и порывает,

клыки, значит, свои показывает. Так я всю одежду ей и отдал, уж больно игривая тигра попалась! И вот я у тебя... В трусах... Слава богу, что Архиповка показала, собаки залаяли... Убежала она, а то б испугалась ты совсем, если б я без трусов пришел, — сказал я Светке и прижался к ней, ну, чтоб с тайги согреться. А она меня в калидоре спать положила... Отвергла, значит, замерзающего... Вот, девчата, наконец-то исповедался я. Хотите верьте, хотите нет...

Витька честными глазами смотрел на нас. Мы хохотали...

— Вить! А мы верим тебе! А Света поверила?

— Поверила, конечно! Только за самогоном для меня сама ходит на соседнюю улицу. У Любки, говорит, в самогоне сивухи много, вредная она для здоровья...

СНЕЖНАЯ

Гора Снежная высотой тысяча шестьсот восемьдесят четыре метра над уровнем моря. На ее склонах берет начало река Уссури, ее исток находится на высоте полторы тысячи метров. У подножия горы есть живописные скалы-останцы, каменные столбы-великаны, покрытые мхом и лишайником, с растущими в расщелинах кустами рододендрона сихотинского и искривленными елями. Раньше Снежная была одной из самых легкодоступных вершин Приморья за счет дороги, ведущей на самую вершину.

Наш ГАЗ-66 с гулом ехал по грунтовке, а мы сидели на полке у большого окна в будке, наблюдая за дорогой. Переехали вброд Уссури. Часто видели коз и оленей, перебегающих дорогу. Заехали на старую пасеку, где у Витьки была какая-то заначка. У подножия горы встали лагерем. Витька отправился на рыбалку, а мы на машине поехали на вершину Снежной. Было пасмурно, моросил дождик, но, проехав две трети горного серпантина, сквозь туман мы увидели солнце. На вершине, оказываясь, солнечный день! Вид с горы на укутанный облаками Сихотэ-Алинь изумительный! Заросли рододендрона на солнце издавали дурманящий, маслянистый аромат. А грибов вокруг! Поляны подберезовиков — молоденьких с черными шляпками, крепеньких с сильными

мохнатыми ножками — растущих прямо по старой грунтовке! Не удержавшись, брали грибов по два ведра каждый. Пора было спускаться.

В лагере был уже натянут тент над импровизированным столом, трещал костер, в котелках кипели уха и чай, а Витька сидел у речки и ощипывал двух подстреленных рябчиков.

— Сейчас на углях запечем птичек, — Витька сглатывал слюну, предвкушая роскошный ужин.

Наш водитель, Серега, с голодухи уж начал было открывать банку с тушенкой. Витька остановил его:

— Ты, Серега, не трогай тушенку. Видишь, какой я вам ужин готовлю — дичь в чистом виде! Потерпи, а тушенку лучше мне отдайте, я здесь схоронку себе сделаю, зимой приду сюда на охоту, достану и на костре разогрею... Все пользы больше будет, чем сейчас себе аппетит нетерпеливостью испортишь...

Вкусно пахло печеной птичкой, которую Витька закопал в угли, мы быстро нарежали хлеб, сало. Торжественно Витек выставил на стол свою заначку — пыльную бутылку самогона.

— Вот, — он опять многозначительно поднял вверх свой указательный палец, — год на старой пасеке пролежала! Любанькин еще... Тут сейчас выдержка, как у ко-

ньяка, — он налил в пробку свой напиток, вылил на костер, самогон вспыхнул.

— Хорош, зараза! — Витька потирал руки.

— Вить, а что, много у тебя таких за-начек по тайге? — Серегу заинтересовала Витькина хозяйственность.

— Серег! Вот что я тебе скажу: за-начки — дело непредсказуемое, как порыв души, но, когда их находишь, всегда праздник! Тут, понимаешь, интеллект нужен, чтоб сообразить: когда, с кем и где...

Вкусный ужин разморил коллектив, все засоборались спать. Витька, гремя в темноте своими жестяными баночками, доставал из рюкзака свой любимый цейлонский чай и табак-самосад. А мне еще предстояла переработка грибов. Остальные решили подождать с этой процедурой до утра. В ведре варились мои подберезовики, Витька готовил чай, попыхивая своим самосадам...

Впечатления от посещения Снежной отогнали мой сон на неопределенное время, и мы сидели у костра, тихо разговаривая. Ветер разогнал облака. Над тайгой сверкало звездное небо.

— Все, Маринка, чай готов, — он подал мне горячую кружку, я отхлебнула...

— Что-то, Вить, у чая вкус какой-то странный, — говорю, почувствовав во рту совсем не чайный аромат.

Витька чвыркнул, втягивая в себя горячую жидкость.

— А-а-а!!! Вкуснятина! Что ты хочешь, чай-то цейлонский, конечно у него вкус особенный! Пей, я его по-своему заварил. — Я послушно пила странный напиток.

А Витька пил, наслаждаясь церемонией чаепития и необыкновенным вкусом своего любимого чая... Грибы сварились, мы промыли их в речке и засолили с лаврушкой, чесноком и перцем-горошком. Пора было спать...

В ПОИСКАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МАНДРАГОРЫ

«Некогда Темучин, ставший потом Чингизханом, обратился за советом к прорицателю: как ему побороть соперников, ведь они так сильны! Прорицатель повел его по цветущим сопкам, благоухавшим весенним разноцветьем, а за советом велел через неделю прийти.

На рассвете меня ждал сюрприз. Народ еще спал, когда я встала, раздула потухший костер. Дрова весело затрещали, пора было ставить чай. Я заглянула в котелок, где Витька заварил ночью чай. На поверхности черной жидкости плавали... измельченные листья табака-самосада...

— Так вот что за странный вкус был у чая! Витька, вставай! Сюрприз-и-из!

Витек, потягиваясь, выглянул из будки шестьдесят шестого.

— Ну как, чаек готов?

— Витя! Посмотри, чего мы вчера с тобой пили. А ты все — вкус особенный, — я сунула ему котелок с заваренным табаком. Витя нюхал жидкость, окунул туда палец, облизал его, жевал кусочки «особенной» заварки, потом выдал фразу, которая повергла меня в ступор:

— Маринка! А кто тебе сказал, что табак обязательно курить надо. Ну, напились табака, подумаешь! Видать, я еще и чай в чистом виде накурился, — Витька, запрокинув голову, хохотал...

Утром обнаружилось, что переработанные грибы членов нашей команды в одну ночь покрылись плесенью. Серег, наш водитель, ворчал на меня за то, что я не предупредила его о последствиях, за то, что не взяла на себя эту священную миссию — варить ему грибы.

— Ты вот, Серег, вроде и мужик домотый... — Витька сделал свою многозначительную паузу, — а не знаешь, что продукты нужно сразу перерабатывать, портятся они, понимаешь? Маринка вот понимает...

— Да хватит того, что меня ночью табаком напоили! — пришлось рассказать коллективу о ночном чаепитии. С хохотом мы собирали лагерь, подкалывая Витьку табачно-чайными плантациями в Архиповке...

На следующий день сухой сжег всю цветущую степь. Через неделю посреди ржавых сопки прорицатель показал Темучину мощный зеленый росток, пробивающийся из жухлой травы, и велел вырыть его. Долго Темучин разрывал кинжалом землю вокруг ростка и, когда достал все растение с корнем, подивился

его подземной мощи: корень напоминал богатыря. Это был мужик-корень.

— Имеющий силу держит ее в недрах, — сказал прорицатель.

Вскоре соперники Темучина истратили силы друг друга в огне междоусобицы, и Темучин одолел их и стал Чингизханом.

Говорят, что с тех пор Чингизхан постоянно носил с собой в качестве амулета заветный корень, придавший ему спокойствия, уверенности и силы. Пил его целебный отвар и прожил долгую жизнь. Такова легенда...

Со средних веков мужик-корень, как и таинственная мандрагора, был окутан ореолом легенд и сказаний. В наше время некоторые ученые считают, что мужик-корень и есть та самая таинственная мандрагора. Считалось, например, что его можно найти только после сильной грозы, проследив, куда ударила молния, что показаться он может только человеку с добрым сердцем. Люди приписывали этому растению и различные магические свойства, заворачивали кусочки корня в материю и носили на шее как амулеты...

Витька очень много знал трав и их целебные свойства, правда, называл их своими, народными названиями. Я, ботаник по образованию, говорила ему научные названия, и он даже увлекся латынью, но не в научном смысле, а юмористическом, иногда хохоча до слез, а иногда искренне возмущаясь некорректностью языка...

— Вить, вы же живете без аптеки, больниц, чем лечитесь-то?

— А нам здесь, Маринка, аптек не надо. Мужик-корень прямо около Архиповки растет. Еще бабка моя здесь его нашла, слыхала о таком? Он от всех болезней помогает, никаких больниц не нужно.

— Женьшень, что ли?

— Да нет! Мужик-корень! У меня дома всегда его настойка есть, мать моя ее каждый год готовит.

— Вить, мне надо на месте посмотреть, что за растение, сводишь?

— Так это... Он на горе растет, ты чего, со мной туда полезешь? Там крутой подъем и скалы, да и не каждому он покажется...

— Конечно, полезу! Должна же я увидеть вочью легендарный мужик-корень.

Ну а потом посмотрим, покажется он мне или нет...

— Тогда завтра утром и тронемся, мне все равно богородской травы на зиму нарвать надо, пока цветет. Ну, это тимьян, по-вашему. А ты мне подмогнешь...

Утром я встала в семь часов, Витька во дворе уже нож здоровый точил на наждаке. Я засунула в рюкзак свою саперную лопатку, банку тушенки да пару бутербродов.

— Вить, а далеко до горы идти?

— Да нет, километра полтора будет...

— Так, может, на машине подъедем?

— Маринка, ты чего? Из-за какого-то километра машину гнать? Заправка только в Бреевке! Здесь каждые пол-литра на вес золота! Пешком пойдём!

В 7.30 выдвинулись в путь. Витька надел свои болотные сапоги с отворотами, и, когда шел, они смешно чавкали.

— Витя, ты чего, в сапогах на гору полезешь?

— А чего тут такого? Они у меня на все случаи. В горах главное не сапоги... — Он принялся раскуривать свою самокрутку...

— А что главное?

— А главное — закогтиться! — Жизненная логика у Витьки была убойная.

Наконец мы подошли к подножию. Это была небольшая сопка, но с крутым юго-западным склоном, как раз напротив реки Поперечки.

— Здесь полезем, — сказал Витя и принялся пробираться сквозь кусты. Взирались метров двести преимущественно на четвереньках, цепляясь руками за кусты. На сопке пахло цветущим тимьяном, его пряный запах перебивал все остальные. Витька рвал его, складывая в льняной мешок.

— Это чтобы трава дышала, — комментировал он, — иначе задохнется и грош ей цена. Она ж от кашля зимой помогает, да и чай очень вкусный. Богородская травка-то, а люди просто так траву не назовут, не то что ваша латынь...

Я помогала ему наполнять тимьяном мешок, наблюдая, как Витька траву рвет. Он срывал ветку за веткой, собирая их в букет, нохал каждый раз, поднимая глаза к небу.

— Нельзя весь куст вырывать, корень один не перезимует, холодно ему будет. На следующий год трава хилая родится,

а вот когда с каждого по веточке, видишь, сколько его здесь, а ведь больше ста лет собираем на этом месте. Ну, все, давай перекурим и пойдем мужик-корень искать.

Витька относился к зарослям тимьяна как к своему собственному огороду.

— Вить, а сколько тебе лет? — спрашиваю.

— Тридцать два вот стукнуло, а что?

— Так у тебя дочери семнадцать лет...

Ты что, в пятнадцать лет ее родил?

Витька хохотал.

— Ну, родила ее Светка, а зачали Клавку мы, когда мне было четырнадцать, прямо на земляничной поляне за Архиповкой. Потом поженились. Сейчас у нас две дочери, сын и внучка. Сама знаешь, душа в душу живем. (Я вспомнила его историю про «игривую тигру» и улыбнулась.) Это из-за мужик-корня мужики у нас в роду ранние и плодовиые, мать-то с детства мне его давала...

Мы съели бутерброды, запив водой, перекурили и пошли вдоль склона. Бродили около получаса, пока Витька торжественно не произнес:

— Ну, вот и он, мужик-корень, — он присел перед ним на колени, я подошла.

— Витя — это молочай... — повисла пауза. Видать, он оценивал новое звучание своей панацеи.

— Мало-чай?! Мужик-корень мало-чаем у вас называют?

— Ну, эуфорбия по-латыни... — я растерялась. Витька был просто возмущен.

— Маринка, давай договоримся — это мужик-корень!

— Хорошо, Вить. Как скажешь. Все, можно копать? — я доставала из рюкзака лопату. Витька выпучил глаза и выхватил у меня инструмент.

— Да ты что! Вечно вам, городским, все лопатами да экскаваторами рыть надо! Осторожно копать его надо, осторожнее, чем женьшень. Повредишь хоть один корешок — ослепнешь! (Действительно, попадание сока растения на слизистую вызывает сильнейший ожог, особенно опасен сок для глаз.) Ножичком сначала вокруг куста всю землю освободить надо, потом под него подкопаться, а затем уже потихоньку осторожно выкапывать. А ты с лопатой, тыфу! — Он яростно сплюнул на землю позади себя...

— Вить, ты ж инструкций мне не дал, что с собой брать, вот я свою лопатку и прихватила.

— Ладно, смотри, как копать мужик-корень!

Мужик-корень (Euphorbia pallasi — Молочай Палласа, М. Фишера, М. Комарова), сибирский женьшень — редкое растение, эндемик даурской флоры, широко используется в народной медицине — китайской, тибетской, монгольской и в медицине коренных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Им лечат буквально все — от туберкулеза, язвы желудка и чесотки до онкологии. Мужик-корень разжижает и чистит кровь, за счет содержания в нем селена регулирует гормональный баланс у мужчин, стимулирует иммунитет, систему регенерации тканей, подавляет развитие злокачественных опухолей, успешно используется при лечении рака крови, саркомы и опухолей женской половой сферы. Готовят его в виде водных настоев, отваров и в виде настойки на водке. Наружно применяют при гнойных ранах, фурункулезе, абсцессах, ожогах и при воспалении лимфоузлов. Растение очень ядовито, и принимать его следует, строго следуя дозировке. Растет мужик-корень на скалистых южных и юго-западных склонах сопок.

Я наблюдала за Витькиными движениями. Разрыхляя вокруг куста молочая землю ножом, он руками вытаскивал камни, кусочки грунта. Градинки пота скатывались со лба по лицу и падали в землю. Когда вокруг куста образовалось подобие воронки, он начал ковырять камни снизу.

Показалась верхняя часть корня. Округлая корневая шейка действительно напоминала голову человека, я даже глаза и нос разглядела, а в расширяющейся корневой системе угадывался силуэт человека-богатыря... Я оглянулась по сторонам. Тут и там были видны побеги мужик-корня. Много его здесь.

— Теперь ты понимаешь, почему он называется мужик-корень! Это не ваше там «Мало-чая» или «форбия»...

— Эуфорбия, — я машинально поправила Витьку, — очень напоминает корень женьшеня, только мощнее...

— Вот-вот, он и так помощнее женьшеня будет. Мы женьшень только на продажу копаем, а сами мужик-корень пьем. Главное, когда копаешь, ни один корешок не повредить, — продолжал Витька свой ликбез, — повредишь, вся сила корня с соком вытечет, он у него белый такой, как молоко. А еще, хочешь верь, хочешь не верь, но мужик-корень от всякой чертовщины спасает: если в тайге там чего... — Витька опять задумался.

— А чего может в тайге такого быть? — спрашиваю.

— Вот бывает, идешь с охоты, думаешь, близко уже, а сам в другую сторону уходишь от дома. Я однажды неделю так блуждал, Светка чуть с ума не сошла, думали все, кранты мне. Вот что может быть! А еще всякие там сглазы и порчи. Мать мне с детства мешочек с кусочком мужик-корня на шею вешала...

Мы шли уже по хребту, я слушала Витьку и думала, почему до сих пор не знаю ничего об этом растении? Приеду домой, обязательно просмотрю всю литературу... Век живи — век учись. На самой высокой точке сопки Витька сел на камень.

— Смотри, как здесь красиво! — он показывал в сторону Поперечки. — Вон, видишь ту гору?

— Вижу, там, по-моему, каменная россыпь...

— Да, там растет много бадана. Ты знаешь бадан?

— Конечно, Вить! Это очень сильное лекарственное растение. Кстати, ты знаешь, что он в Красной книге? Вы его тоже заготавливаете?

— А как же! Без него никак. И порошок с корня делаем, его потом к ране приложишь, заживает как на собаке, еще чай из черного листа, отвары и бальзамы всякие мать делает из корня и листа, правда в бальзам еще много всякой всячины идет. С осени пьешь бальзам и зиму всю не болеешь ни простудой, ничем вообще. Это у нас все от бабки с дедом идет, они с Алтая приехали сюда, землянку вырыли, потом дом построили в Тополевом. Бабушка все

травы знала, мать мою научила... Маринка, давай твою тушенку съедим, посидим, на красоту посмотрим.

— С удовольствием.

Витька своим ножом вскрыл банку, им и ел. А я выломала с куста две палочки и кое-как брала ими куски.

— Вить, а давай на ту бадановую сопку сходим.

— Сходим, Маринка, только завтра. Солнце уже садиться собирается, видишь, а нам еще до дому идти...

Я думала, где же мы спускаться с сопки будем, логичнее было перевалить через хребет, чтобы не возвращаться, и оказаться примерно около Архиповки, но у Витьки были свои тропы.

— Сейчас съезжать с горы будем, — он достал из рюкзака верхонки, — бери, надевай, а то руки в кровь поранишь, сейчас за минуту внизу будем.

Мы подошли к крутой тропе, Витька присел на корточках.

— Делай, как я! — прокричал мне и ринулся с огромной скоростью вниз, руками держа равновесие. Я последовала его примеру. По мелким камешкам на тропе я, как на роликах, быстро съехала к подножию, где Витька, хохоча, наблюдал за мной.

— Ну и морда лица у тебя была...

В сумерках мы пришли к Витьке домой. Девчонки со Светкой пропололи уже огород, на столе стоял ужин: картошка с зеленью, грибы соленые прошлого года, капуста квашеная и таймень жареный, что Витька еще на прошлой неделе поймал (топором рыбину рубить пришлось, Света говорила). Ждали только нас.

— Ты, Маринка, чего с мужик-корнем делать будешь?

— Ничего, Вить. Мне ж только посмотреть на него нужно было, интересно.

— Тогда я к матери его снесу в Тополевый. Хочешь, познакомлю тебя с ней?

— Так, Вить, не любят же они чужих, неудобно как-то...

— Да ты что! Я про тебя уже ей рассказывал, что ты тоже всю траву знаешь, да еще и по-научному. Еще в прошлый твой приезд рассказал, она в баню вот приглашает, поговоришь с ней о своих травках.

— Давай на бадановую гору слазим, а потом в баню. На машине все до горы поедем.

— Договорились...

БАДАНОВАЯ ГОРА

Утром мы все собирались на бадановую гору. Позавтракали и — в путь. Проехав Архиповку, повернули перед Поперечкой направо.

— Витька, а куда эта дорога ведет? — спрашиваю.

— Да в Лазовский район, только сейчас не проедешь туда. Леспромхоз когда был, дороги делали, а после тайфуна размыло все, леспромхоз закрыли — некому дороги делать...

Мы повернули к горе. Проехали метров двести, и взору открылась огромная поляна. Высокая непримятая трава, отсутствие троп говорило о том, что здесь давно уже никого не было. Старые кострища, заросшие высокой, темно-зеленой травой, как островки, выделяющиеся на общем салатном фоне.

— Ну что, кто с нами в горный поход? — спросила я бодро свой коллектив.

— По-моему, никому не хочется куда-то ползти. Маринка, ты одна ненормальная в этом обществе, — констатировал Витька.

— Ты думаешь, что если я одна — это уже ненормальность? Есть еще термин — массовое помутнение рассудка. Вчера, если ты помнишь, только я сварила и засолила свои грибы. — Аргумент был железный.

— Я пойду, — вызвался Серега, потерявший в походе два ведра грибов, — только кто-то пусть останется машину сторожить и сварить обед.

— Друзья, — начал торжественную линейку Витька, — сами понимаете, ружо оставить вам не могу — Маринку в горах охранять надо. При первой опасности прыгайте в будку и закрывайтесь. Сидите тихо. При всех обстоятельствах обед должен быть готов... Кстати, что у нас сегодня на обед? — Тягостное молчание сопровождало нас в горный поход...

Мы вброд перешли Поперечку (в этом случае Витькины болотники сослужили хорошую службу — он был единственный с сухими ногами). Полка на другом берегу была сплошным завалом. Витька в своих сапогах смешно пыхтел, кряхтел, преодолевая препятствия.

— Как, Витек, когтишься? — подшучивала я над ним...

— А у вас ноги мокрые, — парировал Витька. Вскоре мы увидели просвет справа.

— Вот здесь начинается россыпь. Смотри, Маринка, вот твой бадан...

Бадан тихоокеанский (Bergenia racifera) — лекарственное растение, семейства Камнеломковые. Корневища этого растения обладают вяжущим, противовоспалительным действием, отварами из корней бадана лечат язву желудка и двенадцатиперстной кишки, гастриты, онкологические заболевания, лист применяется при почечных заболеваниях в виде отвара, при ожогах и травмах наружно. Черный лист бадана (прошлогодний) называется «Монгольский чай», или «Чагирский чай», снимает усталость, стимулирует обмен веществ. Заваренный чай имеет красивый черно-красный цвет и может храниться в сухом месте до трех лет, не теряя аромата и целебных свойств.

Мы прошли дальше вверх по россыпи поближе к вершине, чтобы увидеть панораму долины реки.

— Маринка, в-о-н там мы с тобой вчера были, видишь сопку?

— Конечно, Вить, и с нее смотрели на эту россыпь. Это мы сейчас примерно на высоте восьмисот метров над уровнем моря, в гольцовом поясе, бадан ниже не растет.

На гольцах всегда очень красиво. Густые кудрявые кусты рододендрона растут большими куртинами, камни, покрытые разными видами лишайников, пестрят, как разнотравный луг. Между камней темно-зеленые розетки бадана как будто ручьями растекаются в разные стороны по всей россыпи. Если рисовать эту картину, на палитре окажутся все цвета из набора красок! Если попасть на гольцы весной, то преобладающим цветом будет розовый — цветущий рододендрон и бадан окрасят гольцы в цвет весенней тайги.

— Витька, а как эта гора называется?

— А кто ее знает... Ты ж сказала, что бадановая, пусть будет бадановая.

Витька увидел барсучью нору, встал на четвереньки и засунул в просвет голову.

— Эй, есть кто живой? Покажись! — крикнул он в черноту.

— Витька, тебя сейчас барсук за нос укусит.

— Не укусит, он сейчас, смотри, с опасного выхода выскочит.

— А где он?

— Смотри, вот он!

Справа послышался шорох, а потом треск сухих веток. Из-за большого камня выскочил молодой барсук, привстал на задние лапы, оценивая нас своим звериным взглядом, и юркнул в лес.

— Ты чего не стрелял? — спросил домовитый Серега. — Завалили бы — шурпу бы поели.

— А чего, нам есть нечего? Пусть живет. У них здесь целые городища под камнями, в несколько этажей. Вот он убежал вроде в лес, а на самом деле опять в свою нору вернется по другому лазу.

Я копала себе корни бадана. Разобрала камни у одной розетки и осторожно вытянула пару длинных сильных корневищ. Потом с другой, оставляя на возобновление две трети корневой системы растения. Если брать с куста больше, можно в несколько лет просто уничтожить заросль. Бадан очень медленно возобновляется. Потом набрали в льяной Витькин мешок черного прошлогоднего листа на чай. На вершине россыпи сели передохнуть. Витька прилег на мягкую подушку лишайника и прикрыл глаза. Серега лазил выше по кустам, решив взять реванш по сбору грибов. В молодой поросли осин и берез их было много. Вдруг из-под его ног выскользнул увесистый камень, покатылся и упал прямиком на Витькину голову. Раздался глухой звук. Витька открыл глаза.

— Серега! Это что, из-за тебя мне сейчас в каске по тайге ходить? Твое счастье, что у меня череп уникальный!

Я забеспокоилась.

— Вить, у тебя сотрясение может быть, голова не кружится? — Мне казалось, от такого удара искры из Витькиных глаз должны были осветить весь Чугуевский район.

Витька снял свою белую кепку. На лысине красовался огромный старый шрам и небольшая вновь приобретенная ссадина.

— Вот видишь, это когда я в леспромохозе работал, дерево на меня упало. Прямо на голову. Каска разлетелась, шкуру всю с черепа содрало, а я в обморок упал, отключился ненадолго, сутки всего... Очнулся в больнице, шкуру пришили. А потом исследовать меня стали, так как у нормального человека, сказали, череп бы как орех раскололся. Долго исследовали, рентгенами всякими протравивали... — Витька замолчал...

— И что, каков был вердикт?

— Да ничего. Так вот и живу я теперь с уникальным черепом, волосы только не растут на месте удара...

Пора было спускаться в лагерь, Серега никак не хотел оставить грибное месторождение.

— Ты бы, Серега, внизу под горой лучше бы грибы собирал, — изрек Витька с хитрой улыбкой.

— А какая разница? Здесь, смотри, сколько их, молоденькие, как на Снежной. Я вон уже мешок нарезал! — Серега с гордостью продемонстрировал итоги своей тихой охоты.

— Да, понимаешь, Серый, разница есть. В километра два, которые ты будешь идти, таща на себе этот мешок. А там еще и бурелом. Вдруг упадешь, из грибов твоих каша будет. Вот, домовитый ты, Серега, а не понимаешь, что продукты ближе к дому брать надо — нести меньше...

Серега сурово посмотрел на Витьку.

— Мои грибы, я их и понесу. — Он взвалил мешок на плечи, а Витька не унимался:

— Их еще и переработать надо, не забудь... — Я поняла, что если Витька зацепился за Серегину домовитость, то это уже до конца похода. Судя по виду Сереги, он тоже это понял...

Спустились почти до бурелома. Мы с Витькой еще грибов набрали на жареху, а Серега нас только нагонял. Перешли вброд Поперечку и вышли к лагерю. Оставшийся коллектив спал на рундуках в будке, обед был готов. Я быстренько пожарила грибов на сковородке, мы сели за стол. После трапезы собирались покинуть гостеприимную поляну, нас ждала баня в Тополевом, которую надо было еще натопить, но Серега

собрался в срочном порядке перерабатывать свои грибы. Он перебирал помятые в мешке подосиновики и подберезовики под пристальным взглядом Витьки.

— Вот домовитый ты, Серега... — После Витькиной паузы последовал взрыв хохота.

— Витя! Иди табачку себе завари! — парировал Серега, загружая нарезанные грибы в ведро, но Витька не унимался.

— Вот домовитый ты, Серега, а не понимаешь, что вовсе не важно, в каком виде ты употребляешь продукт, важен сам продукт! Жареный, вареный, соленый,

сушеный или помятый гриб — это все равно гриб. — Витя поднял вверх свой указательный палец, а мы ждали концовку философского Витькиного умозаключения,

— Так и табак — курю я его, нюхаю или пью — это все равно табак, Серега!

— Вить, да ты философ, — я попыталась сгладить ситуацию.

— Философ, не философ, но в продуктах разбираюсь, хоть и крышечки от банок путаю, — Витька задымил самосадам.

Я помогла Сереге промыть и засолить грибы, упаковать, и мы отправились в Тополевый.

БАНЯКА ПО-ЧЕРНОМУ

Вот и Тополевый. Срубленные больше столетия назад дома стоят до сих пор, уже вросшие в землю и чуть покосившиеся. В деревне остались одни старики. Витькина мама приготовила баньку по-черному.

Баня рубится на берегу реки или ручья. В центре помещения стоит печь с большой каменкой без трубы. Печь топится, пока каменка не раскалится докрасна, когда дрова прогорят, задвигают задвижку, чтобы сохранился жар. Потом проветривают помещение. Хозяйка тщательно все моет вениками из кедра и полевых трав, ими она оттирает полоки, стены и полы. Когда заходишь в такую баню, сразу ощущаешь аромат дегтя, хвои и трав. Мягкое тепло обволакивает тело, и этот аромат хочется вдохнуть всей силой легких и кожей. На печи стоит чан с запаренными травами — это чтобы поддавать пар.

— Тут, дочка, все, что нужно для здоровья и силы — и травка богородская, и зверобой, и иван-чай, — говорит хозяйка. — Бывало, муж с охоты придет, на ногах еле держится, а я ему баньку-то истоплю с травками своими, да еще и мужик-корень добавлю. Муж из баньки выйдет, кваску выпьет — и как молодой! Глаза блестят, кожа гладкая, походка легкая, будто сутками по тайге не бродил. Квас мы делаем из березового и кленового сока, в подполе потом храним. А баньку эту еще дед мой рубил, я в ней и родилась! Я вот уже старая, а банька все стоит. Вот, залазь на верхний полок, ковш бери и поддавай парку себе, покуда терпеть сможешь, а я пойду блинцов вам к чайку напекую.

Звонко зашипела раскаленная каменка, невидимый поток горячего пара вырвался, закружил по баньке ароматным вихрем, горяча тело и душу. Некоторое время сидишь без движения, наблюдая, как вырываются на поверхность кожи мелкие горошины пота, превращающиеся в ручейки. Затем березовым веником погоняешь воздух, запахнет листвою, как в весеннем лесу, смолянистой и нежной. Похлопаешь себя веником и в студеный родник, что около баньки, окунешься. Родник огорожен лиственничным срубом, прозрачный как слеза, и вода в нем сладкая. Кожа после холодной воды огнем горит, мелкими иголочками покалывает. Стоишь на улице, и пар с тебя валит. После второй и третий раз попаришься, лежишь на полке и петь хочется...

— Вы живы еще? — кричит хозяйка со двора. — Идемте чай пить!

После бани не идешь, а летишь как на крыльях, легко и свободно. Хозяйка уже налила в кружки чай, что заваривали ее предки столетия назад, из таежных цветов и листьев, мягкий на вкус и ароматный, как лесная поляна.

— У нас от матери к дочери передается знание трав и отваров, — говорит хозяйка, попивая чай со старого фарфорового блюдца. — А этому наших предков местные научили, когда они впервые сюда перебрались. Вот и лечимся здесь тайгой... Я с весны травки да корешки собираю, сушу на чердаке, так вот и себя лечу, и мужа, и людей, кто захаживает... Ну, как банька-то, проняла?

— Еще как проняла! Такая ароматная! Спасибо вам!

Жаль, умирают старики, молодежь тянется в город, поближе к цивилизации. Уходят люди — ветшают дома и после остаются заброшенные сады, развалины домов и пепелища. Когда видишь мертвые селения, становится грустно, как будто смотришь на безымянную могилу. Когда-то здесь кипела жизнь, люди трудились, любили и рожали детей, молились, радовались и плакали. Никого здесь уже нет,

но кажется, что место с развалинами и бурьяном все еще хранит в себе, как эхо, былое течение жизни. Иногда кажется, что если прислушаешься, то можно услышать далекий детский смех, колыбельную песню на сенокосе, едва различимую среди песен полевых птиц. Вот где-то треснула ветка, как удар топора, или, может, кто-то хлопнул дверью? Прислушайтесь, место пустынно, но оно живо и продолжает свою историю в каком-то своем измерении, даже если это история забвения...

ЛУИЗА

С Луизой я познакомилась в те же девяностые годы — годы «перестройки», когда судьба сталкивала абсолютно разных людей, объединенных одной благородной идеей — заработать деньги, чтобы выжить. Познакомились мы на рынке, где я торговала саженцами плодовых деревьев, а Луиза где-то покупала фрукты и перепродавала их. Посмотрев, как процветает мой бизнес, она вложила свои деньги, мы закупили партию товара, продали удачно, разделили прибыль, так и началась наша дружба.

Луиза — родом из города Сочи, эффектная блондинка пятидесяти лет с кучерявыми волосами, близорукая, в очках, каким-то образом держащихся на ее изящном носике. Рост — метр пятьдесят шесть. Типично городской житель, за всю жизнь ни разу не выезжавшая на природу даже в пригород.

Как-то я предложила ей «сгонять на три дня в тайгу».

— Луиза! Там такая красота!

— Почему бы и нет... Но я ни разу не была в лесу, даже за город не выезжала... Я незнакома со зверями, они ж там бегают...

— Мы заедем в Архиповку, возьмем с собой Витьку-Колдуна, он отстреляется от зверей. Накопаем рябины, голубики, продадим на базаре — еще и деньги заработаем.

Последний аргумент был решающим, и в шесть часов утра мы выехали в поход за голубикой.

Для Витьки в городе запаслись его любимым чаем, а продукты решили купить по дороге. Остановились в Лубянке, где был маленький базарчик.

Местные бабульки торговали овощами, молоком и яйцами домашнего производства. Рядом с нами у прилавка торговались какие-то мужики, по всей видимости так же, как и мы, собравшиеся в тайгу. Мы купили домашние яйца, причем последний десяток, лишив тем самым мужиков удовольствия приобрести данный продукт. Луиза передала мне пакет с покупками, дала ключи от машины:

— Открой дверцу, под панелью рычажок дерни, откроется багажник. Туда продукты и положи.

Я подошла к машине — а их там три иномарки, и все белые, как наша. Я подошла к одной, ключ в замке что-то заедал и не проворачивался. Хотела уже Луизу крикнуть, да тут замок поддался, дверца открылась... Созерцание содержимого багажника машины ввело меня в легкое замешательство: что-то подсказывало мне, что это не наше. В это время к машине неслись мужики, матерясь и размахивая руками, занятыми бутылками с водкой:

— Эй!!! Стой! Уйди от машины!

«Чего так орать», — подумала я, разглядывая багажник.

— Марина! Это не наша! — вернула меня к реальности Луиза.

— Как не наша! Я ее твоим ключом открыла...

— Ты открыла чужую машину! Посмотри на номер!

Когда подбежали мужики, мы с Луизой стояли с пакетами в руках у раскрытого чужого багажника.

— Толик! — кричал один. — Эти бабы яйца наши забрали, да еще и машину вскрыли!

Выражение их лиц не предвещало нам с Луизой ничего хорошего...

Нужно было как-то урегулировать назревший конфликт.

— Мужики! Спокойно! Мы не собирались ничего брать у вас в багажнике! Наоборот, Марина хотела положить вам наши продукты! — Луиза, как могла, пыталась наладить человеческий контакт...

— Толик! Нафиг нам их продукты! Зачем вообще было вскрывать нашу машину?!

— Не зачем, а почему! — вмешалась я в разговор. — Ребята, дело в том, что мы тоже на белой машине с такой же обивкой кресел в салоне, только в багажнике у вас барахло другое. Я открыла ее нашим ключом, потому что думала, что это наша машина!

До мужиков постепенно начала доходить курьезность ситуации. Через несколько минут мы все дружно хохотали. Мужики, давясь от смеха, рассказывали, что они чувствовали в тот момент, когда увидели двух теток у своей вскрытой машины. Расстались мы с ними друзьями, напоследок разделив поровну десяток яиц, — так сказать, мужикам за моральный ущерб...

ВСТРЕЧА С ТИГРОМ

В Архиповке мы были уже к обеду. Витьки дома не было, в тайгу ушел.

— Тогда, Луиза, поехали сразу на марь, там разведем костер и заночуем.

До мари от села Ясного семнадцать километров. Ехали долго. После тайфуна на мостах через Усури было много промоин, и Луиза их аккуратно объезжала. На поляне устроили костер, стол. Я поставила тент для ночевки.

— А что, ты думаешь, мы здесь заночуем? — с паникой в голосе проговорила Луиза.

— Конечно! Посмотри, как здесь здорово! Последняя деревня в семнадцати километрах от нас, с другой стороны — вообще тайга! Река, поляна, мясо на костре, свобода!

Луиза погрустнела, не разделяя моего оптимизма.

— Ты говорила, что от зверей нас будет охранять какой-то колдун...

— Витька. Он в тайге. Не переживай, если он поблизости, почует дым и придет на костер, я вас познакомлю...

— А у тебя в этой деревне знакомые есть?

— Конечно, там Клавка — Витькина дочь, и Серега — ее муж. А зачем ты спрашиваешь?

— Марина! Мы едем спать к ним! Без охраны в лесу я ночевать не буду!

— Ну хорошо, давай хоть мясо я дожарю, потом поедем. Тент можно здесь оставить, его никто не тронет, а завтра сюда приедем...

Наскоро покидав все в багажник, мы поехали в Ясное. Не проехав и километра, я увидела рыжую корову, идущую нам навстречу.

— Луиза, смотри, какие у них коровы самостоятельные: шестнадцать километров от деревни, скоро стемнеет, а они бродят...

Луиза сосредоточенно рулила, наверное представляя ночевку в комфортных условиях... «Корова» повернула к обочине дороги, и я увидела полосы на ее рыжей шкуре. «А ведь это тигр!» — поняла я.

«Корова-тигр» скрылась в придорожных кустах.

— Луиза, притормози мне у этих кустиков...

Машина остановилась, я увидела грациозное животное в двух метрах от нас. Луиза сосредоточенно смотрела куда-то вдаль...

Я открыла окно машины. Тигр лежал на придорожной траве и смотрел прямо на меня. Я вспомнила рассказы бабушки: «Тот, кто посмотрит тигру в глаза, сможет видеть то, что не видят другие люди...» Взглянула... Зверь явно осознавал, что им любуются, вернее, он позволил любоваться собой! Как кот, он потянулся, перевернулся на спину. Огромные усы, шерсть, блестящая, искрящаяся в лучах уходящего солнца, огромные желтовато-зеленые глаза привораживали. Я зачарованно смотрела на животное, не могла оторваться. Господи! Какая красота и грация! Страх не чувствовала, скорее мною овладел благоговейный трепет пред силой и мощью...

— Ну и чего ты в кусты не идешь? — идиллию нарушила Луиза.

— Посмотри в мое окно, — прошептала я, — это чудо! Посмотри, какой тигр красивый!

Луиза искоса глянула на обочину...

— А-а-а-а-а-а-а!!! — ее вопль эхом отозвался в таежной тишине. Тигр вскочил, нервно задергал огромным хвостом, казалось, он отбивает им одному ему известный ритм. Луиза, продолжая верещать, нажала на газ, подняв облако пыли.

Шестнадцать километров исковерканной тайфуном дороги мы преодолели в рекордное время. У подъезда к Ясному, увидев корову, идущую по дороге, Луиза резко затормозила. Я ударилась лбом в лобовое стекло (к счастью, оно оказалось крепче).

— Ты чего? Я лоб разбила!

— А кто их в этой тайге знает! То тигры, как коровы, то коровы, как тигры... бродят!

Тут я поняла, что это была первая и последняя поездка Луизы в тайгу...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я ошибалась. Ровно через неделю приехала Луиза и торжественно объявила:

— Марина! Мы едем в тайгу!

— Луиза, а как же тигры?

— О, за них не переживай! Я себе газовый баллончик купила. Теперь меня просто так не испугаешь! Твой Витька пока патронами ружье свое зарядит, я уже всех зверей газом уложу!

Мне тоже хотелось в тайгу, поэтому я не стала разочаровывать Луизу непригодностью ее оружия в таежных условиях. Главное, чтобы человек верил, а вера творит чудеса. Я покидала в багажник свои вещи, сказала семье: «Пока», и через четверть часа мы двинулись в путь.

У Асиновки мы прокололи колесо, пришлось ставить запаску. Залатали шину в деревне и двинулись дальше. В этот раз решили пойти на брусничную гору. Там особенная брусника: растет кустиками и ягода очень крупная и сладкая

даже до заморозков. Решили захватить в Архиповку, чтобы застать Витьку. Оказалось, что он пошел в Ясное к Сереге с Клавой.

— Луиза! Ну а если его и в Ясном не застанем? Давай в тайге ночевать, у тебя ж баллончик...

— Марина! Баллончик баллончиком, а Витька с ружьем нам не помешает. Что, я зря чай ему покупала? Да и весело с ним! — мы со смехом вспомнили знакомство Луизы и Витьки, состоявшееся после нашей встречи с тигром.

В Ясном узнаем, что Витька пошел с Серегой на рыбалку на старую пасеку. До пасеки ехать еще десять километров, и мы, откашавшись от чая, помчались по грунтовке, надеясь догнать мужиков. Быстро начало темнеть.

В километрах восьми от села в свете фар на обочине дороги увидели одиноко сидящую мужскую фигуру.

СПАСЕНИЕ ЗАБЛУДШЕГО. МИТРИЧ

— Это не Витька, едем дальше, — с дрожью в голосе проговорила Луиза.

— Понятно, не Витька! Он бы костер развел! Надо остановиться, Луиза, вдруг человеку помощь нужна!

— Да ты что! Витя в прошлый раз сказал, что в тайге страшен не зверь, а человек! А ты что мне предлагаешь? В темноте, на пустынной дороге, в тайге двум одиноким незащищенным женщинам остановиться у сидящего маньяка?! Марина, ты сумасшедшая!

— Луиза! У тебя фобия! Ну какие в тайге маньяки! В крайнем случае, сбежавшие эски. И не забывай, у тебя баллончик... Хотя, если маньяк будет в противогазе, тебе хана, Луиза!

— Не глумись, Марина...

Луиза медленно подъехала к одинокому путнику, осветив его фарами.

— Ты хоть дальний свет убери. Видишь, это не маньяк. Дед, и, по-моему, он замерз. Я выйду, — сказала я, открывая дверь машины.

— Я подстрахую тебя баллончиком, — прошептала Луиза.

— Привет, дед! Каким ветром тебя сюда занесло?

— Ой, девочки! — обрадовался он. — А я уж было в кусты сигануть хотел, мало ли кто в машине. Заблудился я, неделю вот по лесу хожу.

— А костер чего не разведешь?

— Да спички сгорели... — На глаза его навернулись слезы.

Мы познакомились, развели большой костер у дороги, достали припасы и накормили заблудшего.

— Митрич, ну расскажи, что с тобою приключилось-то?

— Сам я с Чугуевки. С дочерью и зятем живу. А сюда каждую весну на рыбалку ежу. Зять завозит на несколько дней и забирает в условленном месте. Рыбалка нынче выдалась, рыба сама на наживку кидается. Первые два дня с реки не вылезал, сам ел, солил ленков, коптил... А тут вечерочком что-то похолодало, морозец такой щипучий был, так я костерок поболя развел у палатки, самогоночки на грудь принял...

Пригрелся, уснул... Ночью, видать, ветер дунул, палатка моя и вспыхнула! Сам не помню, как выскочил! Пробовал тушить, так котелочком не натаскаешься воды... Так и сгорело у меня все: одежда, постель, даже удочки... Осталась вот рыба в рюкзаке, нож, котелок и кружка, да вот и бутылки с кленовым соком.

— Митрич, а чего ж ты в условленное место не подошел?

— Часы тоже в негодность пришли, я, видать, опоздал к сроку-то... Вот и ем все это время соленую рыбу и кленовым соком запиваю, что для дома набрал. От дороги далеко к реке идти, чтобы попить.

На черном небе высыпали звезды, луны не было, нас освещал только костер. Искры тонули где-то в темноте... Выслушав печальную историю Митрича, мы с Луизой прониклись сочувствием и симпатией к деду.

— Митрич! Сам понимаешь, в поселок мы уже не поедем. Нам на пасеку старую надо, до нее километра два осталось. Здесь мы тебя не бросим, даже с костром. Поехали пока с нами, а потом мы отыщем твою родню или прямо в твою Чугуевку

отвезем? У нас еда, есть на чем спать, да и вообще — компания!

— Ох, спасибо! А я уж думал, накормили да оставте меня здесь! — с дрожью в голосе сказал Митрич и опять прослезился.

— Что ты, Митрич! Мы своих не бросаем! — Эта торжественно произнесенная фраза Луизы заставила меня расхохотаться.

— Ты знаешь, Митрич, но сначала Луиза решила, что ты маньяк! — Луиза больно пихнула меня в бок.

— Да нананьячился я уже! На девок только посмотреть могу, теперь думаю, что и с рыбалкой у меня разлад намечается... Кстати, Луиза, а почему у тебя такое странное имя?

— А чего тут странного, Митрич! Нормальное женское имя... — ответила я за Луизу. Вот если б ее Федей звали, было б, конечно, странновато...

— И то правда, — согласился Митрич.

Около полуночи мы свернули на поросшую травой дорогу. Сверху смыкались кроны деревьев, и в свете фар казалось, что мы едем по сказочному тоннелю. Вот и старая пасека. Во дворе догорал костер, в старом омшанике через щель в дверном проеме пробивался тусклый свет от керосинки. Витька здесь...

— Сигналь, Луиза!

Не успела Луиза нажать на сигнал, как из избушки выскочил Витька с ружьем и Серега. Свет фар ослеплял их, нас они не видели.

— Кто такие будете?

— Витя!!! Я чаю тебе привезла и мяса на костре нажарила! — пропищала Луиза, увидев направленное в ее сторону ружье.

— Луизка, ты, что ли? А Маринка с тобой?

— Конечно, Вить! С нами Митрич еще, мы на дороге его нашли...

— Чего еще за Митрич?

— Я — Митрич! Заблудился, а девчата меня нашли, обогрели у костра, накормили. Предложили с ними ехать. Я и согласился, натерпелся один в лесу-то...

Витька степенно передал ружье Сереге и медленно, вразвалочку пошагал в нашу сторону (перед Митричем выделяется).

— Ну, здорово, Митрич! — Витька пожал ему руку. — Серега! Представь, я еще

тот чай не допил, а мне уже следующий привезли! Ну, проходите, чего мнетесь! Луизка, ты ж сказала прошлый раз, что ноги твоей в тайге не будет из-за тигры, или случилось чего?

— Случилось, Витя! Приехала я тогда домой, сидела в четырех стенах, и подумалось мне, что дорога дальняя — но такая интересная, что тигра, конечно, страшная, но и красивая... и захотелось мне опять сюда.

— Молодец, Луиза! Ох, девки, и рыбалка ж какая у нас клевая будет! — При слове рыбалка Митрич мученически сморщился. — Не дрейфь, Митрич! С нами не потеряешься! Завтра на зорьке на реку все вместе пойдем, а сейчас кто с нами мышковать на ленка?

Я сделала шаг вперед.

— Витя, на ленка я с тобой пойду, а ты меня своим рыбачьим примочкам научишь, — предложила я Мастеру.

— Маринка, зачем тебе это? Я понимаю, мужчины! У них в крови страсть к охоте, с древности еще...

— У тебя, Витька, насчет охотничьих страстей и теория какая есть?

— Теория — не теория, а вот наблюдение жизненное присутствует. Понимаешь, страсть к охоте — дело, можно сказать, от истоков человечества. Она двух видов бывает: охота за дичью, чтобы поесть, ради добычи, она почти звериная, с древних времен, ну, когда еще мужики мамонтов копыями добывали... И вторая еще есть — тяга до баб, это тоже охота, тоже древняя. Это страсть к размножению... Наверно,

она еще древнее, так как есть у всех — и у зверей, и птиц, и даже растений. Вот возьми, оставь сорванный одуванчик на грядке... Он же, гад, прежде чем стянуть, успеет созреть и семена свои по огороду разбросать... Вот так-то.

— Вить, а у женщин страсти какие древние есть?

— А вот тут сложно все. Сама посудите: вот есть у женщин страсть к нарядам? Есть. А посмотри у зверей и птиц — у них только самцы большие и красивые. У птиц, например, утка-мандаринка серенькая, незвратительная, а самец как император! Что-то не так пошло в этой эволюции. По зверям и птицам получается, что не мы баб, а они нас выбирать должны, кого покрасивше... А у нас в Архиповке — все наоборот: бабы все в магазин идут прихорошенные, а мужики — в солидоле и кирзачах...

— А страсть к размножению?

— А, тут гораздо проще, чем у мужиков: бабам любовь нужна. Если она есть, то и размножение тебе обеспечено.

— А если нет?

— Ну, тогда не даст... Ладно, Маринка, заболтался я, пойдем заценим твой рыбачий талант. А пока надо взять с собой мясо, что вы нажарили, чай и остальное...

Остальное включало в себя владивостокскую водку и домашнее сало моего приготовления.

— Маринка — все на тебе!

Луиза и Митрич с устатку и от переполняющих впечатлений слегли на боковую, а мы трое отправились на ленка.

УРОКИ ГУРУ

Уссури в верховьях — небольшая звонкая речка с заводьями и плесами. Вода поблескивала серебром в свете звезд и луны. На берегу мы развели костер, поставили котелок Митрича для чая. В свете костра Витя возился со своими мастырками...

— Вот, Маринка, тебе первый урок рыбной ловли — теоретический: всегда помни, что рыба не дура! Дураками бывают только рыбаки, которые думают, что дура — рыба! — Витя многозначительно поднял вверх свой указательный палец,

я переваривала услышанное, а Витька накрывал стол. Постелил на речные камни кусок старой, но чистой клеенки, аккуратно нарезал сало, нюхая с удовольствием каждый нарезанный кусочек, хлеб разложил веером, жаренное нами с Митричем на костре мясо перемешал с перьями зеленого лука, а рядом букетиком водрузил пучок черемши...

— Витька, да ты — эстет!

— Эстет не эстет, но водку пить должно быть приятно, это вам не самогон! И вот тебе второй урок рыбной лов-

ли — практический. Никогда не рыбачь на сухую!

— Почему?

— Вот ответь мне на вопрос: когда ты выпиваешь, ты расслабляешься?

— Ну... — я не понимала, к чему клонит Витек. Его логические умозаключения могли привести к неожиданным жизненным выводам...

— Расслабляешься, факт. — Витя философствовал... — Так вот, в этот момент ты как никогда ближе к природе, типа ты — часть природы и рыба — тоже ее часть... И в этот короткий миг ты и рыба, как никогда, понимаете друг друга...

— Витя, а почему этот миг короткий?

— Да потому, что если после третьей последует четвертая, то ...

Витя сделал глубокую затяжку и закашлялся. Я молчала и внимала гуру...

— То, что после четвертой рыбалка откладывается до следующего дня...

Настало время рыбалки. Витька дал мне свою «мастырку», болотники и торжественно сказал:

— Маринка! Настал твой час! Помни: рыба — не дура!

— Чего делать-то?

— На конце лески, посмотри, мышка самодельная, так вот, импровизируй так, чтоб ленок подумал, что эта мышка настоящая, плывет себе по реке и в ус не дует... Да, чуть не забыл, для этого катушка есть... Хотя ленок в основном на всплеск реагирует, но чем черт не шутит... Серый, наливай!

Я слилась с природой, как советовал Учитель, представила себе, что под корягой у берега стоит ленок в ожидании бедной плывущей мышкы, и закинула наживку. Крутила катушку с интервалами, как будто мышка тяжело ранена... На третьей проводке вдруг почувствовала рывок, сначала подумала, что удочка зацепилась... Я машинально дернула леску на себя, мотаю катушку, чувствуя нештучное сопротивление...

— Витя, — кричу, — тут эпидерсия! Кажется, кто-то поймался! — Витька сорвался с места, отбросив роковую четвертую стопку. Схватил удочку и начал вываживать...

— Ну, Маринка! Ты поняла, что значит быть рыбой? — Я стояла на берегу

ошарашенная, удилище согнулось дугой, дрожало и дергалось в руках Витьки...

— Что-то я не такой рыбиной себя представляла.

— Ты чего, сдурела! Да тут рыбина — ого-го-го!!! — После тяжких трудов Витька вытащил на берег ленка, ну просто огромного на мой взгляд.

— Ни фиги себе! — Серега стоял в задумчивости... Вить, а ты мне сказал, что на старой пасеке рыбачить бесполезно...

— Серый! Пойми, даже там, где нет рыбы, она есть! Маринка, вот тебе третий урок рыбной ловли! Ну, Маринка! Такого красавца подцепила! — Витя уже раздвигал рыбку у реки.

— Вообще-то, Витя, это ты его вытащил, я б не справилась!

— А это, Маринка, уже другие уроки. Пошли в омшаник спать, утром уху сварим...

Утром нас ждал сюрприз. Выпал снег. Деревья с нежной молодой листвой были покрыты белым холодным покрывалом. Под тяжестью снега они согнулись до земли. Все выглядело сказочно нереально. Витька повел нас на рыбалку. По заросшей тропке мы прошли к реке, где на берегу еще дышал паром наш ночной костер. Мне была выдана удочка с наживкой.

— Вот здесь половим, — сказал Витька, с удовлетворением оглядел место рыбалки чуть ниже по течению. — По пять рыбок на брата нам хватит, потом варим уху из мелочовки и вчерашнего ленка.

Я расположилась у большой коряги и заводи. Витька с Серегой перешли на противоположный берег и стояли напротив меня. Клев был неплохой, я выловила уже пять рыбок, когда почувствовала, что поймала что-то большое, вытащила ленка, который сорвался с крючка и упал в воду мне под ноги. Жаль было терять такую добычу, и я, сев в воду, своей пятой точкой придавила рыбу. Витька с Серегой услышали громкий всплеск воды с моей стороны, отвлеклись от своей рыбалки и наблюдали, как я, пошарив под собой, вытаскиваю руками рыбу...

— Серега! Глянь, Маринка задницей рыбу ловит!

— Это же какая реакция должна быть! — констатировал Сергей.

— Не юродствуйте, мужики! Просто рыба сорвалась, я ее прижала, — попыталась я оправдать свой необычный способ рыбной ловли. Но Витька с Сергеем уже громко хохотали...

Пригрело солнце, с крыши омшаника струями лилась талая вода, с ветвей деревьев падали талые хлопья снега. Звуки капли и запах ухи разбудили Митрича.

— Да, Митрич! Вовремя тебя девчата нашли. Засыпало бы снегом ночью, как зайца! — Витька виртуозно разбирал по косточкам голову ленка.

— А-а-а! — разбудил таежную тишину вопль Луизы. Она с ужасом смотрела на красного паучка, ползущего по руке. Вот он, энцефалит! — Луиза не шутила...

— Луизка, да это ж паук, маленький совсем, — Витька скинул паука с ее руки.

— Тогда почему он красный? — у Луизы дрожал голос...

— Луиза! Он же маленький, вот так и защищается красной пугающей окраской. Прапорщик у меня в армии тоже клещей боялся, так с кличкой Энцефалит, наверное, до сих пор ходит...

— Вить, расскажи про прапорщика...

ПРАПОРЩИК ЭНЦЕФАЛИТ

— Я служил на границе, здесь, в Приморье. Пришел к нам на службу новый прапорщик, сам родом с Москвы, наговорили там ему об энцефалите, запугали, значит, мужика. Тот нас и спрашивает:

— Ребята, как, мол, энцефалит выглядит?

— Ну, товарищ прапорщик, по сути это клещ...

— А как выглядит клещ?

Все замолчали. Как прапорщику рассказать о внешнем виде клеща?

— Товарищ прапорщик! А вы крабов когда-нибудь ели?

— Ел, конечно, камчатских, друзья угощали во Владивостоке...

— Ну вот так клещи и выглядят, на крабов похожи...

На следующий день прапорщик просит у командира двух автоматчиков для проверки постов.

— Зачем тебе автоматчики? — спрашивает командир.

— Да, как же, товарищ командир, зачистку делать, энцефалитных клещей отстреливать. Я вам за один день заставу от этих тварей освобожу!

Как потом оказалось, прапорщик наш так и представлял себе энцефалитных клещей: огромными и красными, похожими на вареных камчатских крабов, сидящими на ветках деревьев, вытянув клешни в ожидании добычи... И кличка эта так к нему и приросла... Так и ты, Луизка, красного паучка испугалась!

— Вить, а ты сколько собирался здесь пробыть? Мы на брусничную гору с Луизой собирались сгонять. Хочешь с нами?

— А когда я с вами куда не хотел? Сгоняем! Только вот Митрича в семью вернуть надо. В Ясное к Клавке заедем, в Чугуевку позвоним. Как ты, Митрич?

— Ребята! А я б с вами еще бы попутешествовал, можно?

— Ну а почему нельзя, поехали! — Так Митрич влился в наш коллектив.

БРУСНИЧНАЯ ГОРА

Луиза крутила баранку, ее машинку подбрасывало на ухабах старой лесовозной дороги.

— Вот, Митрич, как познакомился я с Маринкой, так уже почти весь свой район объездил как краевед! Такие красивые у нас места! Вот сейчас направо свернем и в гору будем подыматься, брусника там на самой вершине растет.

У подножия вершины на небольшом плато разбили лагерь. Поставили палатку, натянули тент над столом. Митрич выждал варить борщ, Витька пошел за водой — рядом с лагерем звенел небольшой каменистый ключик.

— Маринка! Бегом сюда! — кричал Витька.

— Что случилось?

— Беги, говорю!

Я подошла к ключу. Витька пошурудила ногами в небольшой заводи. И вдруг через камни запрюгала рыба, поднимаясь вверх по течению.

— Вот, смотри, как рыба прыгает — это форель. Осталась в ручье после дождей, в реку не спустилась. Редко такое бывает после быстрого схода воды! К вечеру наловим с тобой на жареху.

— Вить, как мы ее ловить будем? Здесь и удочку некуда закидывать...

— Ведром, Маринка, ведром.

Я представила, как Витька носится за летающей рыбкой, как за бабочкой, и ведром, как сачком, ловит ее, и рассмеялась.

— Ничего смешного! Запомни, для рыбака не важно, чем и как он поймал рыбу — главное, поймал! Ты вот, например, пятой точкой ловила, я, заметь, даже не удивился. (Да уж. Не удивился... Я вспомнила, как они с Серегой дружно гоготали...) После обеда пойдем ловушку делать.

Митрич сварил вкусный борщ, все с большим удовольствием пообедали. Витька вытащил из багажника Луизиной машины кусок фанеры, взял ведро, дал мне свои болотные сапоги.

— Это все, что нам понадобится для рыбалки. Иди вниз по ключу метров пятьдесят, потом через минут пятнадцать начинай подниматься, топчись хорошенько в каждой ямке и рыбу вверх выгоняй, я ее там встречу. Это будет тебе еще один урок рыбной ловли!

Болотники болтались на моих ногах, когда я добросовестно мерила шагами расстояние, определенное Учителем. Наконец, настал момент X. В ямке я увидела пять рыбок и ступила в воду, нарушая их покой. Моментально население водоемчика взмыло в воздух. Через камни рыба переправилась в следующую яму. Оказалось, гонять рыбу очень увлекательно, мною овладело даже что-то вроде охотничьего азарта. С каждой ямой стая летучих рыб становилась все больше.

«Как же Витька их одним ведром поймает?» — думала я, но не сомневалась, что все будет гениально простым. Вот из-за поворота я увидела конечную точку необычной рыбалки. Витька под углом к движению рыбы держал фанеру, а рыба, ударяясь об это препятствие, падала в яму,

углубленную и обложенную камнями, в которой и стояло ловчее ведро. Таким образом, мы вернулись в лагерь с хорошим уловом, осталось почистить и пережарить два десятка рыбок.

Начало смеркаться, в горах закат — удивительное зрелище! Мы сидели вокруг костра и любовались угасающими красками дня. Луиза с тревогой смотрела на палатку.

— А что, мы в палатке спать будем?

— Конечно, тут все поместимся, а где ж еще?

— Я буду в машине спать, с баллончиком, — заявила Луиза, — ваша палатка — ненадежное укрытие.

— А чего ты боишься, Луиза? Тигров, медведей или клещей, тут определиться надо. Клещ, он ведь может и в машину заползти. А медведь... — Витька сделал паузу, закурил свой самосад, глаза его смеялись, но он с серьезным видом продолжал: — Вот ты в туалет в кусты ходишь, Луиза, в какую сторону ты лицом сидишь, к лесу или к нам?

Луиза задумалась, определяясь в пространстве...

— Вить, конечно, к вам лицом, не задницей же к друзьям поворачиваться...

— А вот это ты зря. Сидишь так, а задница-то твоя неприкрытая остается, беззащитная перед темными густыми кустами. А вдруг там медведь? А вдруг он тебя как шлепнет по попе да поцарапает. Никакой врач тебе ее не зашьет, потому как когти у медведя огромные! — Луиза с огромными от страха глазами слушала лекцию о технике безопасности, а Витька уже заливался смехом.

На небе высыпали звезды, стало прохладно. Решили раньше лечь спать, утром предстоял поход на гору. Луиза на переднем сидении свернулась калачиком, газовый баллончик был рядом — на панели...

— ...Маринка, вставай! — кто-то тормошил меня, сквозь сон я услышала Витькин шепот. — Вставай, к нам медведи пришли...

Через щель в палатке мы наблюдали за двумя мишками-белогрудками. Они открыли котелок и с удовольствием поедали борщ Митрича.

— Вот, гады, такой борщ сожрали! И не прогонишь их, вдруг мамка рядом. —

Звон посуды разбудил всех остальных обитателей палатки, у щели мы наблюдали за медвежьей трапезой.

— Как там Луиза? Хоть бы ума у нее хватило не выскочить из машины...

— Не выскочит, это единственное ее убежище. — Витька, как всегда, был прав...

Мишки съели наш завтрак и обед, набезобразничали с посудой, обошли, обнюхивая, Луизину машину и скрылись в темноте. Сон как рукой сняло. Выждав некоторое время, Витька пошел разводить костер. Вот-вот будет рассвет, я первым делом решила проведать Луизу. Теплилась надежда, что она спала и не видела ночных гостей...

Сквозь запотевшее стекло машины я увидела глаза... Круглые, наполненные ужасом Луизины глаза! Баллончик она прижимала к груди, волосы торчали дыбом, подбородок дрожал... Она все видела!

— Луиза, открой дверь, — я деликатно постучала в окошко, — пойдём к костру.

Луиза как каменная сидела в машине, у машины собрались уже все, уговаривая затворницу выйти в люди...

— Вить, надо ее как-то в общество вытаскивать, она сама не своя.

— Ничего, сейчас сама выйдет, клин клином вышибать будем. — Витя, как всегда, был полон оптимизма, он прилег у

машины и принялся шкрябать и постукивать поварешкой под днищем автомобиля. Луиза в машине засуетилась, приоткрылась дверь, на полусогнутых ногах она вылезла из машины...

— Там кто-то под машиной... — прошептала она...

Сочувствующий коллектив взял потерпевшую на поруки. Митрич преподнес Луизе кружку с водкой:

— Вот, выпей, это поможет...

Постепенно взгляд Луизы приобретал осмысленность.

— Ну, рассказывай, Луизка, кого ты так испугалась, — Витька пытался по-своему оказать ей психологическую помощь, — везет же тебе, второй раз в тайге, а уже и тигру видела, и медведей... Ты заметила, какие это милые были медвежата? А ты их баллончиком укокошить хотела... Изверг!

На следующий день после похода на гору отвезли Митрича в Ясное, где дозвонились до его зятя, зять на радостях привез нам двадцать литров бензина, забрал деда живого и невредимого.

Мы с Луизой тоже засобирались домой... По дороге нам придется еще три раза менять колеса, ночью Луиза перепутает сворот, и мы окажемся в Раздольном, выезжая из которого, машина заедет в кювет, потому что Луиза уснет за рулем...

ЭПИЛОГ

Это была одна из последних поездок к Витьке-Колдуну. Вскоре он похоронил жену Свету, продал дом в Архиповке и с сыном переехал в другой район...

После мы не раз приезжали в те места... Казалось иногда, что тайга тоже скучает и грустит о Витьке-Колдуне, как

будто, уезжая, он забрал с собой частичку того радостного мироощущения и гармонии, которых нам так не хватает в суете городов...

Перебирая старые бумаги, я наткнулась на свои записи двадцатилетней давности...

